

ФИЛОСОФИЯ И НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ

В.В. Целищев

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ КОНЦЕПЦИЯ ИСТИНЫ А. ТАРСКОГО ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИЕЙ?

Целищев Виталий Валентинович – доктор философских наук, профессор. Директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. 630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Николаева 8; e-mail: leitval@gmail.com

В статье рассматривается вопрос о том, в какой степени концепцию истины в формализованных языках А. Тарского можно считать удовлетворительной философской теорией истины. Критика теории Тарского как философской концепции со стороны Х. Патнэма и других философов сопоставляется с защитой теории П. Раатикайненем. Рассматривается методологический статус конвенции Т и гомофоническая теория соотношения языка и метаязыка в качестве условия экспликации в концепции Тарского семантических понятий. Утверждается метафизическая нейтральность теории Тарского и близость ее к дефляционной концепции истины через тривиализацию семантического содержания концепции. Описывается роль предиката истины в теории в рамках концепции функционирования языка У. Куайна. Делается вывод о необходимости экспликации условий, при которых теория Тарского может считаться философской теорией истины. Отмечается, что в философской литературе существует путаница по поводу того, представляет ли собой эта теория уточнение корреспондентной концепции истины или же когерентной концепции истины, или же она является нейтральной в отношении классических концепций истины вообще. Утверждается, что формализация философских контекстов преследует обычно две цели: во-первых, это прояснение интуитивных представлений, а во-вторых, экспликация интуитивных представлений. При принятии точки зрения на экспликацию как элиминацию, интуитивное понятие истины не играет особой роли в оценке теории Тарского, поскольку последняя является типичной экспликацией. Тарский заменил интуитивное понятие точной концепцией, которая пригодна для научных целей. Но как философское объяснение истины теория Тарского потерпела самое сокрушительное поражение, которое только можно себе представить.

Ключевые слова: Тарский, истина, семантика, дефляционная теория истины, логика, конвенция Т, Куайн, обозначение

В современной аналитической философии работа А. Тарского «Концепция истины в формализованных языках»¹ считается важнейшим вкладом в философские дискуссии о природе истины. Изложенная в ней теория, по мнению большинства аналитических философов, знаменует собой водораздел в философских исследованиях по теории истины. Логические эмпиристы начала 1930-х гг. подозрительно относились к такому понятию, как «истина», но после появления этой работы их подозрения рассеялись. Так, К. Поппер писал: «В результате благодаря теории Тарского я больше не испытываю колебаний, говоря об “истинности” или “ложности”»². Однако относительно недавно некоторые философы перестали разделять подобные оценки, считая, что, хотя эта теория является важным логико-математическим исследованием, она не имеет существенной ценности в качестве философской теории истины. Правда, подобные скептические оценки случались и ранее. Так, по словам Хао Вана, в разговоре с Р. Ганди весьма жесткое суждение высказал по поводу этой теории А. Тьюринг: «Нельзя было выдумать большую тривиальность»³. А в настоящее время резкая критика теории Тарского исходит от целого ряда философов, среди которых первую скрипку играет Х. Патнэм. Прежние восторги по поводу теории он объявил «догматическим сном» аналитических философов, которые «просто проспали всю оперу... [поскольку] теория Тарского как философское объяснение истины потерпела самое большое, какое только можно помыслить, фиаско»⁴.

Каковы же те достоинства теории Тарского, которые поставили ее в ряд выдающихся философских достижений? Каковы основания считать ее экспликацией философской концепции истины? Г. Шер полагает, что теория Тарского отличается от предшествующих теорий рядом особенностей⁵. Во-первых, это математическая теория, или, более точно, формальная теория. Во-вторых, в ней предлагается детальное, точное и строгое определение истины. В-третьих, в этой теории избегаются известные семантические парадоксы, например, парадокс Лжеца. В-четвертых, теория представляет существенный вклад в современную логику и методологию науки. В-пятых, теория дистанцируется от традиционных философских споров. В-шестых, она поднимает целый спектр новых философских вопросов и предлагает новые подходы к их решению.

Прежде всего надо отметить, что не все перечисленное можно отнести к достоинствам с точки зрения философии. Кроме того, все шесть перечисленных добродетелей теории Тарского неравнозначны. Так, в упрек Шер можно поставить то, что в своем перечислении она повторяется и отчасти противоречит себе. Действительно, четвертый пункт говорит о том, что теория истины Тарского есть важный вклад в логику; но ведь пункты от первого до третьего и есть описание этого вклада. Возможно, она имеет в виду то обстоятельство, что теория Тарского стала «священной коровой» аналитической философии, теорией, которую упоминают все по каждому поводу. Далее, пункт пятый говорит о том, что теория не способствует тому, чтобы с ее помощью было отдано предпочтение той или иной философской концепции истины. Но это попросту неверно, поскольку эта теория используется в поддержку многих философских точек зрения на истину. Возможно также, что Шер имела в ви-

¹ *Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Tarski A. Logic, Semantics, Metamathematics. Indianapolis, 1983. P. 152–267.*

² *Popper K. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 221.*

³ *Wang Hao. Beyond Analytic Philosophy. Camb.; L., 1988. P. 144.*

⁴ *Putnam H. A Comparison of Something with Something Else // World and Life. Camb., 1994. P. 333.*

⁵ *Sher G. Truth, the Liar, and Tarski's Semantics // A Companion to Philosophical Logic. Oxf., 2002. P. 145–163.*

ду, что сам Тарский был чрезвычайно осторожен в выражении своих философских взглядов; когда же он терял осторожность, это приводило к массе неясностей, как это имело место в случае его статьи 1936 г. о логическом следовании⁶. В полемике вокруг концепции логического следования Тарского были отмечены некоторые странности, которые впоследствии объяснялись исследователями тем, что, по собственному признанию Тарского, статья была написана «для философов»⁷.

Ретроспективно следует различить две цели теории истины Тарского. Первая цель – метаматематическая, т. е. исследование формальных свойств теорий, сформулированных в рамках современной логики, и кроме того, исследование формальных свойств самой современной логики. Намерение Тарского в этом направлении состояло в демонстрации того, что понятие «истина» может быть использовано в формальных языках непротиворечивым образом. Надо иметь в виду, что в дальнейшем из этого намерения выросла целая отрасль математической логики, т. н. теория моделей, в которой семантика рассматривается так же формально, как и синтаксис. Что касается второй – философской – цели, то большинство исследователей полагали, что Тарский фактически поддержал корреспондентную теорию истины, когда истина понимается как соответствие реальности.

В теории важную роль играет понятие предиката истины. В. Куайн дал следующее объяснение того, каким образом понятие истины может быть эксплицировано в виде предиката истины⁸. Интуитивно понимаемая истина есть свойство языка. Однако предложения языка считаются истинными не сами по себе, а благодаря тому, что соответствуют реальным фактам. Таким образом, приходится признать, что истина не может быть свойством чисто языковых образований. Разрешение возникающего в данном случае противоречия возможно путем введения предиката истины. Приписывание предложению предиката истины означает, что в предложении речь идет о реальности. Другими словами, предикат истины устраняет упоминание о языке, хотя сам является частью языка. Эта роль предиката истины усматривается из следующего ставшего классическим примера. Пусть имеется предложение *Снег бел*. Для того чтобы сказать что-либо о предложении, нужно назвать это предложение, т. е. дать ему имя. Для образования имени предложения часто используются кавычки, так что «*Снег бел*» является именем предложения *Снег бел*. Сказать, что предложение истинно – значит сказать нечто о предложении, и поэтому предикация истины предложению *Снег бел* выражается в виде утверждения «*Снег бел*» истинно. Последнее утверждение истинно, потому что оно верно отражает реальный факт о том, что снег бел. Отсюда следует так называемое Т-предложение

«Снег бел» истинно, если и только если снег бел.

Кавычки здесь нужны для того, чтобы показать, что речь идет о словах, конкретно, о слове «снег», а не о реальном снеге. Отсюда видно, что синтаксически роль предиката истины состоит в устранении кавычек. То есть предикат истины представляет собой устройство, с помощью которого соотносятся предложения языка и реальность.

⁶ *Tarski A. On the Concept of Logical Consequence // Tarski A. Logic, Semantics, Metamathematics. P. 409–420.*

⁷ *Etchemendi J. Tarski on Truth and Logical Consequence // Journal of Symbolic Logic. 1988. Vol. 53. №. 1. P. 51–79.*

⁸ *Куайн У.В.О. Философия логики. М., 2008. Гл. 3.*

Термин «предикат истины» в данном случае обязывает к принятию некоторого конкретного языка, к которому принадлежит этот предикат. Таким языком в теории истины Тарского является язык логики первого порядка. Теория Тарского начинается с того, что было предметом значительных усилий таких философов, как Б. Рассел и Л. Витгенштейн, а именно, с утверждения простой предикации, когда некоторому объекту приписывается определенное свойство. Если объект указывается именем, тогда это, как его часто называют, атомарное предложение является либо истинным, либо ложным. Однако в формальной теории исходный пункт – открытое предложение, получающееся заменой в предикации собственного имени переменной. Вопрос о том, почему исходным пунктом является открытое предложение, достаточно сложен. В. Куайн в своей философии делал упор на важность логики первого порядка, говоря о ней как о «каноническом языке» для научного дискурса. В этой концепции ключевая роль отводится концепции указания знаком объекта⁹. Логическая форма открытого предложения Fx при этом не является примитивной, а объясняется философскими соображениями о природе логической формы.

В связи тем, что открытое предложение не может быть истинным или ложным, Тарский в качестве исходного выбрал понятие выполнимости. Открытое предложение Fx с одной свободной переменной выполняется для некоторого объекта, подстановка имени которого a вместо переменной дает истинное предложение Fa . Для открытых предложений с двумя и более свободными переменными выполнимость определяется так: предложение Fxy выполняется упорядоченной парой $\langle x, y \rangle$, и более обще, открытое предложение $Fx_1, \dots, Fx_n$ выполняется последовательностью $\langle x_1, \dots, x_n \rangle$. Последовательность выполняет открытое предложение, если это предложение оказывается истинным, когда значением переменной x_1 берется первый объект в последовательности, значением переменной x_2 берется второй объект в последовательности, значением переменной x_n берется n -ый объект в последовательности. Предложение истинно в том случае, если оно оказывается истинным для всех значений свободных переменных. Таким образом, истинность определяется через выполнимость всеми последовательностями.

Имея в распоряжении процедуру выполнимости для простых открытых предложений, можно получить выполнимость для истинностных функций от таких предложений. Например, последовательность выполняет конъюнкцию предложений, если и только если она выполняется для каждого ее члена. Важнейшей частью теории истины Тарского является условие выполнимости для квантифицируемых предложений. Пусть квантор связывает i -тую переменную квантифицируемого предложения. Тогда квантификация выполняется данной последовательностью, если и только если подкванторное выражение выполняется точно такой же последовательностью, за исключением, быть может, i -того члена.

Если дано понятие выполнимости, можно ли считать, что условия выполнимости объясняют конъюнкцию, дизъюнкцию и другие пропозициональные связки или истинностные функции, а также квантификацию? На этот вопрос существует отрицательный ответ. Дело в том, что в условиях выполнимости для логических связок уже используются сами связки, что приводило бы к порочному кругу. В самом деле, например, конъюнкция выполняется последовательностью в том случае, когда один член конъюнкции

⁹ См.: Quine W.V. Roots of Reference. La Salle (Illinois), 1974.

выполняется последовательностью, и другой член конъюнкции выполняется последовательностью, и т. д. То есть слово «и» используется в условии выполнимости конъюнкции, которая сама и представляет собой знак «и».

Поэтому Тарский избрал другой путь: логические слова не объясняются через условия выполнимости, а являются частью определения самого понятия выполнимости. Это определение следует начать с понятия выполнимости для простых предложений. Например,

Предложение, содержащее предикат «бел», который соединяется с i -той переменной, выполняется последовательностью, если и только если i -тый объект в последовательности бел.

Для n -местных предикатов определение выполнимости формулируется употреблением последовательности из n или более объектов. Ясно, что подобного рода определения должны быть заданы для каждого простого предложения, или предиката, участвующего в рассмотрении. Тем самым дается определение истины для всех простых предложений или простых предикатов, поскольку истина есть выполнимость всеми последовательностями. То есть выражение

$\forall x$ (x выполняет «бел», если и только если x бел)

имеет точно такую же силу, как и выражение

«Снег бел» истинно, если и только если снег бел.

Последняя схема получила специальное название Т-предложения. Любая теория истины должна содержать бесконечное число Т-предложений, если объект-язык содержит бесконечное число предложений, которые считаются истинными. Однако ни одна теория не содержит такого числа в качестве аксиом. Поэтому для построения теории истины некоторого языка L принимается так называемая конвенция T , которая сводится к двум требованиям¹⁰.

Первое требование состоит в том, что для каждого предложения S языка L имеется доказуемая теорема теории истины, которая имеет следующую форму:

Предложение S из L истинно, если и только если p .

В конкретных случаях S заменяется именем предложения из L , а p – предложением естественного языка. Примером такой схемы может быть следующее:

Английское предложение «Snow is white» истинно, если и только если снег бел.

Таким образом, первое требование сводится к тому, что теория истины должна содержать такие аксиомы и правила вывода, которые из любого предложения S из L позволяли бы вывести соответствующее Т-предложение. Второе требование состоит в том, что каждое подобное доказуемое Т-предложение должно быть истинным. Это требование хорошо усматривается в том случае, когда в теории истины речь идет об одном языке. Другими словами, объект-язык и метаязык, содержащий в себе объект-язык, являются частью одного и того же языка. Так, в этом случае имеем

Русское предложение «Снег бел» истинно, если и только если снег бел.

¹⁰ Davidson D. In Defence of Convention T // Truth, syntax, and Modality. Amsterdam, 1973. P. 76–85.

Таким образом, мы получаем знаменитый пример Тарского как следствие конвенции Т.

Оба требования представляют собой серьезные ограничения. Аксиом и правил вывода должно быть конечное число (или же конечное множество правил для механического порождения аксиом и правил). Это вполне разумное предположение для теории истины, в то же время число предложений S бесконечно. Но это означает, что конечный базис аксиоматической теории должен обеспечить доказательство бесконечного числа T -предложений.

Значительная часть критики теории истины Тарского имеет дело с неосновательностью претензий этой теории на объяснение семантических понятий, поскольку истина является как раз таким понятием. Согласно общепринятому взгляду, Тарский определил понятие «истина», используя в определении только те термины, приемлемость которых неоспорима. Именно по этой причине семантические термины стали как будто менее подозрительны. Это мнение критиками теории Тарского считается радикально неверным. Так, Х. Филд полагает, что Тарский свел понятие истины к другим семантическим понятиям, которые он никак не эксплицировал¹¹. Действительно, семантика Тарского объясняет семантические свойства сложных выражений в терминах семантических свойств их исходных компонент, в роли которых могут быть предикации или открытые предложения. Для того, чтобы понятие истины было действительно объяснено, требуется объяснение истины в терминах исходных обозначений знаками объектов. Однако этот аспект теории обозначения Тарского весьма неясен.

Классическое объяснение концепции обозначения представлено теорией дескрипций Рассела, согласно которой базисными элементами указания являются логические собственные имена¹². С. Крипке предложил другую, т. н. причинную теорию указания, главным элементом которой является причинная цепь от знака к объекту¹³. Что касается Тарского, то его точка зрения такова: «Сказать, что имя x обозначает данный объект a , это значит постулировать, что объект a ... выполняет сентенциональную функцию определенного типа. В разговорном языке это была бы функция, состоящая из трех частей в следующем порядке: переменная, слово “есть” и данное имя x »¹⁴.

Обозначение в данном случае объясняется через выполнимость, но для устранения всех семантических терминов требуется объяснение самой выполнимости. Более точно это можно сделать так¹⁵. Пусть для некоторого имени N объект a выполняет сентенциональную функцию « x_i есть N », если и только если a есть Франция, и N есть «Франция» или ...или a есть Германия и N есть «Германия». Тогда имеем следующее объяснение обозначения в терминах выполнимости:

Сказать, что имя N обозначает данный объект a , это значит постулировать, что либо объект a есть Франция, и N есть «Франция» или ...или a есть Германия и N есть «Германия».

Но такого рода объяснение не есть сведение концепции обозначения к не-семантическим терминам, поскольку здесь нет желаемой общности, которая свойственна определениям. В этом смысле объяснение Тарского скорее тривиально, поскольку для понимания обозначения надо рассмотреть все

¹¹ Field H. Tarski's Theory of Truth // Field H. Truth and the Absence of Fact. Oxf., 2001. P. 3–29.

¹² Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование. Томск, 2002. С. 7–22.

¹³ Крипке С. Naming and Necessity. Camb., 1980.

¹⁴ Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages. P. 194.

¹⁵ Field H. Tarski's Theory of Truth. P. 18.

мыслимые случаи. Поэтому концепция обозначения Тарского теряет значительную часть философского интереса. Действительно, истина есть семантическое понятие, и теория истины должна трактовать соотношение знаков и объектов. Между тем, как утверждает Патнэм, в теории Тарского истинность как семантическое понятие создается «из ничего»¹⁶. По этой причине теория Тарского не является такой теорией, которая формализует интуитивное понятие истины, отражающей семантические отношения.

Одной из главных особенностей теории истины в формализованных языках Тарского является определение истинности утверждения в метаязыке. Предикат истины в объект-языке L определяется в метаязыке для L. Метаязык богаче объект-языка в том смысле, что включает в себя объект-язык, и по сравнению с объект-языком содержит множества, множества множеств, которых нет в универсуме рассмотрения L. Однако при сопоставлении силы объект-языка и метаязыка часто упускается из виду то обстоятельство, что оба языка имеют одни и те же примитивные понятия. Именно на этом факте Патнэм строит свою критику теории Тарского.

Одинаковый набор примитивных понятий в обоих языках возможен только в том случае, если множества, не принадлежащие объект-языку и принадлежащие метаязыку, будут объявлены недескриптивными терминами. Это означает, в свою очередь, что множества являются логическими константами типа пропозициональных связок и кванторов. В какой степени это оправдано – непростой вопрос. Дело в том, что при зачислении множеств в разряд логических констант может существенно измениться понятие логического следования, что в принципе может исказить искомый Патнэмом результат. Но как бы то ни было, при этом предположении оказывается, что метаязык и объект-язык содержат одни и те же примитивные дескриптивные понятия.

Далее, «семантическое восхождение», как его называет В. Куайн, совершается в метаязыке, так что объект-язык не содержит семантических понятий. Но тогда их не может содержать и метаязык. Это весьма обескураживающий вывод, который практически обесценивает философскую значимость теории истины Тарского. Аргументация Патнэма такова. Поскольку в схеме Т использовано имя предложения, оно может быть представлено разными способами, в том числе, его произнесением. Во всяком случае, это вполне допустимо с математической точки зрения. В этом случае вместо

«Снег бел» истинно в языке L, если и только если снег бел

получим

Если предложение X произносится как С-Н-Е-Г-пробел-Б-Е-Л, тогда X истинно в L, если и только если снег бел.

Аксиомы произнесения не варьируются в зависимости от обстоятельств. То же можно сказать и об аксиомах логики. Тогда последнее утверждение, доказываемое с помощью только этих аксиом, является теоремой в метаязыке L, истинной во всех возможных мирах. Возможные миры могут отличаться друг от друга тем, что одни и те же термины могут указывать на различные объекты, и одни и те же предложения могут иметь разные значения. В частности, можно представить себе такой возможный мир, в котором предложение «Снег бел» означает не то обстоятельство, что снег бел, а то, что снег зелен. Ясно, что при употреблении предложений у нас есть некоторый критерий, соотносящий истинностное значение предложений с его значением. Не входя в детали мно-

¹⁶ Putnam H. A Comparison of Something with Something Else. P. 63–64.

гочисленных споров, что является первичным – значение, определяющее истинность или ложность предложения, или же истинность, определяющая значение, – отметим, что в доказательстве самой теоремы нет никаких предположений об употреблении выражений. Отсюда можно сделать вывод, что вообще в метаязыке *L* также нет таких предположений или инструкций. Но тогда мы получаем странную ситуацию с понятием истины, поскольку «Свойство, которое Тарский именует “истина-в-*L*” есть свойство, которое предложение “Снег бел” имеет в каждом возможном мире, где снег бел, включая те возможные миры, в которых предложение означает, что снег зелен. С точки зрения формальных применений теории Тарского в математической логике это обстоятельство вообще не представляет никакой важности, потому что все, чего хочет логик от определения истины, так это того, чтобы оно “схватывало” объем (денотат) «истины» в применении к *L*, но не того, чтобы оно схватывало смысл (*sense*) – интуитивное понятие истины (в применении к *L*). Но задача философии как раз и состоит в том, чтобы раскрыть, что такое истина. В качестве философского объяснения истины, теория Тарского терпит настолько большой провал, насколько это вообще возможно. Свойство, которое должно иметь предложение “Снег бел” (принимая во внимание, что снег бел), оказывающееся не зависящим от того, как мы употребляем или понимаем это предложение, даже “близко” не подходит к свойству истины. Это вообще не истина!»¹⁷.

Можно на этот аргумент Патнэма возразить, что несоответствие с интуитивным понятием истины не есть решающее возражение против теории Тарского, поскольку его определение истины адекватно для научных дискурсов, в которых используется формальный язык. Однако та же история повторяется с определением понятия логического следования Тарского, в котором есть значительное несоответствие с интуитивным понятием логического вывода¹⁸. В какой степени такое расхождение с интуицией является оправданным, дело философского вкуса.

П. Раатикайнен считает, что приведенный аргумент Патнэма не является убедительным¹⁹. Поскольку Патнэм апеллирует тут к возможным мирам, его аргумент часто называют модальным. Приведем вновь конвенцию *T* в более строгом виде.

Формально корректное определение может быть названо адекватным определением истины, если оно имеет такие следствия:

(а) все предложения ФОРМЫ

X истинно, если и только если *p*,

где «*X*» есть структурно-дескриптивное имя предложения *S* объектного языка, и «*p*» есть перевод этого предложения *S* в метаязык,

(б) для всех *X*, если *X* истинно, тогда *X* есть предложение объектного языка.

Из этого формального определения видно, что структурно-дескриптивное имя *S* может быть дано в одном языке, а метавыражение может быть представлено другим языком. В популярном изложении Тарский давал примеры, в которых метаязык и язык представлены одним языком. Это называется гомофоническим переводом языка в метаязык. Если же изменить интерпретацию символов объект-языка (пусть в результате такого изменения *b-e-l*

¹⁷ Putnam H. A Comparison of Something with Something Else. P. 63–64.

¹⁸ Целищев В.В. Нормативность дедуктивного дискурса: феноменология логических констант. Новосибирск, 2004.

¹⁹ Raatikainen P. More on Putnam and Tarski // Synthese. 2003. Vol. 135. P. 37–47.

означает зеленый), перевод больше не является гомофоническим. Что же может случиться в результате негомофонического перевода? Заметим, забегая вперед, что негомофоничность перевода ставит вообще большие проблемы перед теорией Тарского.

Итак, у нас имеется Т-схема, которая и дает все примеры (в данном случае гомофонического типа)

«Снег бел» истинно в языке L, если и только если снег бел.

Если же мы имеем негомофонический перевод, тогда примером Т-схемы будет, скажем,

«La neige est blanche» истинно в F, если и только если снег бел.

В данном примере структурно-дескриптивное имя предложения дано на французском языке, а перевод на метаязык – на русском. Это два корректных примера схемы Т. Возникает вопрос, когда похожие утверждения не будут корректными примерами Т-схемы? Это может быть в двух случаях: во-первых, когда в эквивалентности «Х истинно, если и только если р» «Х» не является структурно-дескриптивным именем предложения S, и во-вторых, «р» не есть перевод предложения S. Так что изменение интерпретации символов объект-языка делают исходное Т-предложение некорректным примером Т-схемы. Раатикайнен делает вывод, что конвенция Т требует, чтобы отношение между объект-языком и метаязыком должно быть фиксировано²⁰. Если конвенция Т требует, чтобы это соотношение было фиксировано, то это должно быть показано.

Доказательство необходимости фиксации соотношения объект-языка и метаязыка действительно нужно, потому что в противном случае это предположение может иметь характер *ad hoc*. Раатикайнен приводит ряд пассажей из работ Тарского с целью доказательства того, что под формализованным языком тот всегда имел в виду уже интерпретированный язык. В частности, представляет интерес такой пассаж: «Формальная система... для которой мы не можем дать (хотя бы одну) интерпретацию, вероятно, не была бы интересна»²¹. Это свидетельствует о том, что существенной частью концепции Тарского было убеждение в фиксации значения терминов объект-языка. Это предположение блокирует аргумент Патнэма, но является ли оно оправданным? Весьма важным тут оказывается то, что многие авторы считают истинность в модели и истинность для формализованного языка одним и тем же понятием. Между тем первое понятие имеет место для неинтерпретированного языка, в то время как второе – для уже интерпретированного. Если действительно принять это отождествление, тогда фиксация значения в объект-языке выглядит опять-таки *ad hoc*.

М. Гарсия-Карпинтеро отметил, что определение истины по Тарскому может быть оправдано и в другом направлении²². Дело в том, что мотив Тарского состоял в том, чтобы обезопасить понятие истины от парадоксов. Прежде всего, это определение, и поэтому определяющее выражение не включает никаких терминов, которые уже присутствуют в объект-языке. Пусть имеется язык L без семантических терминов. Если мы определяем предикат истины для этого языка, используя только понятия языка L плюс теоретико-множественные и синтаксические понятия, тогда предложения с предикатом

²⁰ Raatikainen P. More on Putnam and Tarski. P. 42.

²¹ Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948. С. 178.

²² Garcia-Carpintero M. What is a Tarskian Definition of Truth // Philosophical Studies. 1996. Vol. 82. № 2. P. 113–144.

истины не будут подвержены семантическим парадоксам. Потому что если предикат введен определением, его можно устранить в пользу терминов, которые участвуют в определении. Таким образом, предикат истины столь же безопасен, сколь безопасны теоретико-множественные, синтаксические и другие выражения языка *L*.

Еще одно оправдание определения истины по Тарскому приводится М. Дэвисом²³. Коль скоро истина определяется относительно языка *L*, нужно принять во внимание те ограничения, которые наложены на этот язык. Язык, в котором «бел» означает «зелен», это не тот язык, относительно которого определен предикат истины. Неверно, что предикат «истинно» применим к предложению «снег бел» в возможном мире, в котором «бел» означает «зелен». Дело в том, что область предиката истины включает только предложения языка *L*, и аномальные предложения исключены из этой области.

Приведенные выше аргументы Раатикайнена, Гарсия-Карпинтеро и Дэвиса в защиту концепции истины Тарского говорят о ее направленности на устранение неясностей обыденного понятия истины и на обеспечение ее безопасности с точки зрения использования в ее обосновании возможно противоречивых конструкций. Но это означает, что фактически теория истины Тарского не направлена на создание семантической теории языка, как она воспринималась и до сих пор воспринимается многими философами. Эта точка зрения отчетливо высказана Дж. Этчемэнди: «Цель Тарского состояла не в том, чтобы дать семантическую теорию объект-языка, а в том, чтобы определить предикат, который в силу выполнимости им Конвенции *T* мог бы использоваться для выражения такого рода вещей, которые в противном случае требовали бы использования концепций, чья непротиворечивость является сомнительной. Это расхождение весьма трудно усматривается из-за использования Тарским в его определении такой техники, согласно которой только определенные истинными предложения языка имеют подлинный семантический статус. Но такого рода замысел не являлся частью проекта Тарского, и более того, он конфликтует с ним, поскольку семантика содержит неустраняемое понятие истины»²⁴.

Коль скоро понятие истины неустранимо, все попытки избежать парадоксов и неприятностей, связанных с возможной непротиворечивостью используемых понятий, должны быть тщетными. Таким образом, теория истины Тарского должна рассматриваться как попытка формализовать одну из философских концепций истины, имеющую наименьшие метафизические притязания. Подходящим кандидатом на такую концепцию является т. н. дефляционная концепция истины²⁵. При этом, конечно, теория истины Тарского в значительной степени тривиализуется. Рассмотрим оба этих обстоятельства, предварив их некоторыми техническими деталями.

Семантика как наука о соотношении языка и реальности оперирует такими понятиями, как указание, выполнимость, объект. Обычно теория истины Тарского понимается как теория соответствия символов языка и объектов, указываемых этими символами. Соответствие подобного рода часто трактуется различными метафизическими представлениями, которые трудно найти у Тарского. Очевидно, следует искать более простую интерпретацию семантических понятий, не отягощенную метафизикой. Одной из важных попыток подобного рода является взгляд на семантические понятия как механизм раскавычивания. Так, Ф. Рамсей предложил такую трактовку истины: предложе-

²³ *Davies M.* Meaning, Quantification, Necessity. *L.*, 1981. P. 28.

²⁴ *Etchemendi J.* Tarski on Truth and Logical Consequence. P. 60.

²⁵ *Horwich P.* Truth. *Oxf.*, 1990.

ние, взятое в кавычки, имеет свойство быть истинным, если и только если это предложение имеет место при устранении кавычек: «...нет особой проблемы истины, но есть просто лингвистическая путаница. Истина и ложь обычно приписываются пропозициям. Пропозиция, которой они приписываются, может быть либо дана эксплицитно, либо описана. Предположим прежде, что она дана эксплицитно; тогда очевидно, что “Истинно, что Цезарь был убит” означает не более чем, что Цезарь был убит, а “Ложно, что Цезарь был убит” означает не более чем, что Цезарь не был убит». Они суть фразы, которые мы иногда используем для выразительности или по соображениям стилистики, или с тем, чтобы указать позицию, занимаемую высказыванием в нашем доказательстве»²⁶.

Сам Тарский полагал, что раскавычивание как семантический механизм эквивалентен идее соответствия. При этом различаются два модуса речи: в объектном модусе предложение, приписывающее физическое свойство белизны снегу, истинно, если и только если физический снег имеет свойство белизны. В лингвистическом модусе предложение, приписывающее семантическое свойство истины предложению, приписывающему свойство белизны снегу, эквивалентно предложению, приписывающему белизну снегу. Трактовка предиката истины как механизма раскавычивания есть следствие такого подхода к понятию истины, при котором оно становится либо тривиальным, либо сводимым к другим понятиям типа выполнимости. Другими словами, предикат истины не является реальным свойством. Теория Тарского подвергалась и той и другой интерпретации (которые тесно связаны друг с другом), и несмотря на усилия многих философов использовать эту теорию для подтверждения собственных философских взглядов, принято считать, что теория лишена метафизики. Именно это обстоятельство считается как ее достоинством, так и ее недостатком. Недостаток этот даже оборачивается обвинением теории в тривиальности. Эта ситуация является довольно распространенной в философии; мы обнаруживаем, что в основе ряда философских доктрин может лежать некоторая минимальная в техническом отношении система. Судя по всему, теория Тарского может быть представлена как раз такой минимальной теорией истины. Действительно, теория Тарского должна иметь в качестве следствий все предложения типа

«Снег бел» истинно в языке L, если и только если снег бел.

Сама форма Т-предложений подсказывает, что это предложение устанавливает соответствие между предложениями объект-языка и фактами. Нельзя ли считать теорию истины Тарского корреспондентной теорией истины? Однако соотношение этих двух теорий не является отношением эквивалентности. Действительно, корреспондентная теория истины удовлетворяет Т-схеме, но сама Т-схема отнюдь не влечет корреспондентной теории истины.

В самом деле, что заставляет нас считать, что правая часть Т-схемы представляет факты? Только философская теория, а не теория Тарского. Последняя претендует на то, чтобы представлять собой семантическую теорию, которая устанавливает соотношение между языком и миром; само по себе это соответствие требует с философской точки зрения некоторой интерпретации. Корреспондентная теория истины интерпретирует его как соответствие суждений фактам. Как утверждает С. Рид, теория истины Тарского не обязывает принимать какой-либо метафизики истины вообще²⁷. Так ли это?

²⁶ Рамсей Ф.П. Факты и пропозиции // Рамсей Ф.П. Философские работы. Томск, 2003. С. 105.

²⁷ Reed S. Thinking about Logic. Oxf., 1994. P. 26.

Корреспондентная теория утверждает, что предикат истины является существенным предикатом, который приписывает реляционное свойство суждениям. Ввиду соответствия фактам истинные предложения имеют некоторое реальное свойство, которое отличает их от ложных предложений. Это метафизика истины. Но если отвлечься от этой метафизики, то следует считать, что предикат истины утверждает просто само суждение. ««Снег бел» истинно» не есть, с этой точки зрения, утверждение о суждении, приписывающее ему свойство истинности. Это просто утверждение того, что снег бел. Таким образом, нет такой вещи как истина.

Дело в том, что когда мы утверждаем суждение, то самим актом утверждения мы подразумеваем его истинность. Но тогда объявление суждения истинным ничего не добавляет. Ситуацию с понятием истины можно уподобить хорошо известной в истории философии ситуации с понятием существования, которое также не добавляет ничего к понятию вещи. Тогда не очень понятна роль предиката истины вообще. На самом деле его роль заключается в возможности делать общие утверждения, которых невозможно было бы сделать без этого.

В значительной степени это положение прояснил Рамсей: «Так, если я говорю “Он всегда прав”, я подразумеваю, что утверждаемые им пропозиции всегда истинны, и по-видимому, нет никакого способа выразить это без использования слова “истинный”. Но предположим, что мы выражаем ее (пропозицию-суждение) следующим образом: “Для всякого p , если он утверждает p , то p – истинно”, тогда мы видим: то, что пропозициональная функция p является истинной, есть то же самое, что и p . <...> Вероятно, это можно прояснить, предполагая на время, что подразумеваются пропозиции только одной формы, скажем реляционной формы aRb ; тогда “Он всегда прав” можно было бы выразить посредством “Для всех a, R, b , если он утверждает aRb , то aRb ”, где “является истинной”, очевидно, было бы излишним добавлением»²⁸.

Поскольку форма суждений может быть самой разнообразной, перечисление всех форм попросту невозможно. Роль предиката истины как раз и заключается в том, чтобы обеспечить общность в такой трактовке. Предикат истины выступает в роли средства языковой экономии. Вместо перечисления отдельных случаев утверждений, имеющих определенную форму, используется сокращение в виде «утверждение такой-то и такой-то формы» истинно. Но при этом важно понять, что обобщения самого понятия истины на этом пути невозможно. Нельзя дать общей характеристики истинных суждений в виде критерия типа «Истинные суждения – это такие суждения, которые...». Именно по этой причине теория Тарского в этом отношении начинается с конкретных случаев: «Снег бел» истинно, если и только если снег бел. Если же попытаться дать предельно общую характеристику, т. е. характеристику для всех форм, тогда получим что-то вроде «Истинные суждения p это такие суждения, для которых p ». Это было бы крайне неудачное выражение, и на самом деле, в этом случае мы добавляем вместо этого «истинно». Тогда получается полнейший трюизм: «Истинные суждения p это те суждения, для которых p истинно». Таким образом, понятие истины оказывается вообще ненужным.

Еще одним симптомом тривиализации теории является необходимость задания списка Т-предложений в рамках некоторой теории. Предложения подобного рода имеют эмпирический характер, определяя содержание тео-

²⁸ Рамсей Ф.П. Факты и пропозиции. С. 105.

рии. Тогда предикат истины будет определен перечислением, и с точки зрения методологии естественных наук такое определение мало информативно. Опять-таки, теория Тарского может быть обвинена в том, что она не дает философского объяснения самого важного семантического понятия, а именно, указания, которое у Тарского зафиксировано в Т-предложениях. Мало того, реальная теория потребует значительного числа таких предложений, если не бесконечного числа их. Но представление любой научной теории, исходя из набора Т-предложений, является неестественным с точки зрения научной практики. Х. Филд дает следующий пример²⁹. Пусть имеется определение валентности в некоторой химической теории, выраженное в формальном языке: $\forall E \forall n$ (E имеет валентность n, E есть калий и n есть +1, или ... или E есть сера и n есть -2), где вместо точек следует подставить предложения с соответствующими элементами). В таком определении валентность задана перечнем всех элементов, т. е. экстенционально, и в этом отношении оно допустимо. Но в реальном научном исследовании концепция валентности задается интенционально, как свойство, присущее некоторым природным закономерностям. Эти закономерности объясняются в данном случае атомарной теорией строения вещества, которая является самой последней стадией в понимании природы валентности, и уже поэтому является правильной теорией. Экстенциональное же определение, приведенное выше, является необходимой стадией, но явно менее развитой в сравнении с определением, полученным в рамках атомарной теории. Указанное экстенциональное определение уподобляется Филдом Т-предложениям в теории Тарского, и в этом смысле теория Тарского является менее развитой относительно более общей теории истины, более полно и явно объясняющей действительный процесс отражения фактов внешнего мира в научных теориях.

Наиболее любопытным обстоятельством в отношении философских следствий дефляционной теории истины, каковой и является теория истины Тарского, предстает философская нагруженность этой теории при прокламируемом минимуме метафизических предпосылок. Одной из целей формализации философских понятий является экспликация интуитивных представлений. Если принять точку зрения Куайна на процедуру экспликации как элиминации, тогда интуитивные представления о природе эксплицируемого понятия отходят на задний план. Таким образом, интуитивное понятие истины, которое в конечном счете лежит в основе философских представлений, не имеет особого значения для оценки теории Тарского, поскольку последняя является типичной экспликацией. Свойство, которое должно иметь предложение «Снег бел», вне зависимости от того, как мы употребляем или понимаем это выражение, вообще не имеет никакого отношения к истине³⁰. Экпликация есть элиминация! Более того, если интуитивное понятие не отражено в достаточной степени в экспликации, тогда тем хуже для интуитивного понятия. Тарский заменил интуитивное понятие точной концепцией, которая пригодна для научных целей. «Но как философское объяснение истины теория Тарского потерпела самое сокрушительное поражение, которое только можно себе представить»³¹.

Теория Тарского оказала огромное влияние на Куайна, что видно из его *Философии логики*. Однако, как отмечает Патнэм, связь между теорией Тарского и одной из наиболее специфичных для Куайна концепций – неопределенности радикального перевода – ускользает от внимания многих исследо-

²⁹ Field H. Tarski's Theory of Truth. P. 83–110.

³⁰ Putnam H. A Comparison of Something with Something Else. P. 333.

³¹ Ibid. P. 333.

вателей. Согласно Куайну, язык первого порядка есть «очищенный» продукт освоения языка, и связанная с ним стандартная семантика неизбежно влечет неопределенность в указании словом объекта. Эта неопределенность делает связь между логикой и реальностью весьма сложной. С точки зрения Куайна, между логическим утверждением и реальностью находятся два «неуловимо» вмешивающихся элемента – значение выражения и факт, которые и делают корреспондентную теорию истины весьма проблематичной. Куайн не принимает классической теории истины как соответствия утверждения факту, как соответствия знаковых выражений и экстралингвистической действительности. Эти аргументы Куайна являются частью его концепции онтологической относительности: утверждения об объектах теории в абсолютном отношении не имеют смысла; они имеют смысл только в рамках определенной теории. Таким образом, соотносятся с действительностью не знаковые выражения, а утверждения одной теории с другой. Отношения между теориями – это отношение перевода утверждений одной теории в утверждения другой. Другими словами, об истинности можно говорить только в связи с переводом одной теории в другую.

Рассмотрим стандартный пример Куайна. Некий лингвист оказывается в туземном племени, язык которого ему незнаком. Он начинает с попытки перевести на свой язык высказывания туземцев путем наглядного указания. Так, если лингвист указывает на кролика, а туземец говорит «*gavagai*», то лингвист может перевести это высказывание как «кролик». Но он может перевести утверждение как «неотъемлемая часть кролика», или же как «временной сегмент кролика», или же как «проявление (универсалии) крольчатности». Все эти переводы связаны с предрасположениями лингвиста в ситуации наглядного указания на кролика. Далее лингвист проверяет свое пособие по переводу посредством указания на кролика в различных обстоятельствах.

В указанной ситуации перевода предполагается, что лингвист смог понять, какие физические реакции и высказывания в поведении туземца выступают в качестве согласия или несогласия. Концепция Куайна состоит в том, что существует множество переводов, все из которых совместимы с реакцией туземца³². Физический мир и физические объекты вроде кролика не принимаются в качестве исходных составляющих реальности, потому что членение на сущности физического мира, т. е. концептуализация мира, неотделимы от языка. Мы не можем принять допущение о том, что туземцы членят мир так же, как мы. Мы не знаем заранее, видит ли туземец исследуемую часть мира как кролика, или же как «неотъемлемые части кролика». Именно в этой связи возникают трудности в создании пособия по переводу туземного языка. По Куайну, теория, согласно которой туземец «на самом деле» имеет в виду именно кролика, а не «временной сегмент кролика», не имеет смысла. Если две теории согласуются со всеми речевыми предрасположениями, они одинаково хорошо описывают факты. Если одна из теорий верна, верна и вторая. Постулирование того, на что именно указывает туземец при произнесении «*gavagai*», если это не может быть решено на основании всеобщности речевых предрасположений, является постулированием «таинственного отношения». В реальной ситуации лингвист стремится перевести «*gavagai*» как «кролик», исходя из нашей склонности к указанию на целое и устойчивое. В этом случае, по мнению Куайна, просто навязывает свою концептуальную схему в той ситуации, когда объективно это решить невозможно.

³² Quine W.V. Ontological Relativity // Quine W.V. Ontological Relativity and Other Essays. N.Y., 1969.

Неопределенность перевода обусловлена т. н. холистической трактовкой природы языка. Не имеет смысла спрашивать, что означает «*gavagai*» без привлечения других слов туземного языка, т. е. без употребления этого слова в структуре предложения. И поскольку в отношении каждого из этих слов возникает та же неопределенность, переводится не одно слово, а целый языковой контекст. Но концептуальная сложность систем настолько велика, что допустимы различные переводы, противоречащие друг другу. Тогда вопрос об истинности предложений туземного языка бессмыслен, поскольку некоторое предложение этого языка может быть переведено на язык лингвиста разными предложениями, одно из которых может быть истинно, а второе – ложно.

Патнэм отмечает весьма любопытное обстоятельство в такой позиции Куайна: с одной стороны, с точки зрения Куайна, теория истины Тарского дает трактовку традиционного понятия истины, а с другой стороны – вопрос об истинности предложения туземного языка бессмыслен. Два этих тезиса несовместимы. Чтобы понять, можно ли разрешить это противоречие, следует более тщательно рассмотреть механизм определения истины в теории Тарского. Обычно в качестве иллюстрации берется самый простой случай такого определения, когда объект-язык является частью метаязыка.

«Снег бел» истинно, если и только если снег бел.

В случае приведенного определения выражение «Снег бел» принадлежит объект-языку, а снег бел – метаязыку. Как видно, оба выражения принадлежат одному языку. Более сложный случай возникает в том случае, когда объект-язык и метаязык отличны друг от друга. Пусть объект-язык будет формализованным французским, который мы обозначим через *F*, а метаязык – формализованным русским, который обозначим через *R*. Если предположить далее, что *F* содержится в *R*, тогда определение истины будет определением «истины-в-*F*». В этом определении будут смешаны как французские, так и русские слова:

«*La neige est blanche*» истинно в *F*, если и только если снег бел.

Но такое определение не есть определение в метаязыке *R*. Если мы хотим определить «истинно-в-*F*» в русском языке, в противоположность французскому, мы должны заменить каждое французское слово во французском определении «истинно-в-*F*» его русским переводом. В результате мы получим определение «истинно-в-*F*» в русском языке, и вывод теоремы «*La neige est blanche*» истинно в *F*, если и только если снег бел.

Но чтобы убедиться в правильности этого определения, мы должны знать, правильно ли мы заменили французские слова русскими словами. А это как раз то, чего не может знать логика. С точки зрения Куайна, нет смысла в вопросе, какой перевод французского слова правилен, а какой неправилен. Таким образом, предложение на французском языке истинно или ложно относительно схемы перевода на русский язык. На практике истинность или ложность устанавливается относительно некоторого фонового языка переводчика (который часто называется «домашним языком» переводчика).

Это весьма радикальная идея, поскольку традиционно истина есть нечто такое, что присуще предложению независимо от точки зрения переводчика. Далее, ситуация усложняется тем, что «домашний язык» рассматривается Куайном как то, что подлежит переводу. Многие находят эту точку зрения Куайна загадочной, поскольку она обрекает нас на бесконечный регресс: для того, чтобы понять «домашний язык», нужно понять еще более

домашний язык», и так далее до бесконечности. Можно ли найти некоторую «точку отсчета», или каркас, в рамках которого есть абсолютное понятие истины или лжи?

Но на самом деле, ситуация с регрессом возникает уже у Тарского. Некоторый язык есть объект-язык, плюс метаязык, плюс метаметаязык, и так далее. Когда «истинно-в-Е» определяется в мета-Е таким путем, что «Снег бел» истинно в Е, если и только если снег бел, неявно предполагается, что каждое предложение Е может быть переведено гомофонически, т. е. каждое предложение Е может быть своим собственным переводом в метаязык Е. Именно по этой причине Куайн полагает, что принятие процедуры Тарского предполагает «схему перевода» (хотя весьма своеобразную, «гомофоническую, или «раскавычивания»), даже в тех случаях, когда язык содержится в метаязыке. То есть, с точки зрения Куайна, неважно, содержится ли язык в метаязыке. Решение о том, что каждое предложение объект-языка есть предложение метаязыка и имеет те же условия истинности в метаязыке, как и в объект-языке, есть решение, которое включает интерпретацию. И неважно, какая из этих интерпретаций будет принята, коль скоро все они допустимы.

Озадачивающим обстоятельством при знакомстве с определением истины по Тарскому является как раз «гомофонический» аспект перевода. Дело в том, что в естественном языке предложение «Снег бел» понимается обычно и как предложение объект-языка, и как предложение метаязыка. С этим связана обманчивая легкость определения истины; это определение понимается как соответствие утверждения факту, хотя на самом деле речь идет о более ограниченном в философском отношении обстоятельстве. Куайн называет подобного рода гомофонический перевод из языка в свой собственный метаязык «молчаливым соглашением» (*acquiescing*) в естественном языке.

Предложение «Снег бел» объявляется истинным, когда принимается соответствующий объект-язык, и часть метаязыка, которая включает гомофонический перевод этого предложения. Именно это позволяет принимать

«Снег бел» истинно, если и только если снег бел.

Таким образом, определение опирается просто на факт специфического перевода утверждения объект-языка в метаязык в частности, и в общем – на факт использования метаязыка, который включает в себя объект-язык. Однако эти факты ничего не говорят о том, откуда известно, что снег бел. Как утверждает сам Куайн, факт белизны снега является частью эпистемологии, а не теории истины. Если известны некоторые обстоятельства, позволяющие утверждать, что снег бел, тогда те же обстоятельства позволяют принимать утверждение ««Снег бел» истинно». Так каким же образом здесь фигурирует истина как она понимается традиционно в философских контекстах?

Если истина есть соответствие утверждений фактам реального мира, это соответствие должно быть видно «извне». Представим себе беспристрастного наблюдателя, который рассматривает два посторонних для него языка – объект-язык и метаязык (оба являются фрагментами русского естественного языка). Сравнение (или «перевод») двух предложений – в объект-языке и метаязыке – не позволяет этому наблюдателю говорить об истинности вообще. Дело в том, что истинность есть перевод в некоторый фоновый язык, а такового для «постороннего» наблюдателя нет. Все, в чем он может убедиться, – что термин «снег» в языке Е обозначает то же самое, что «снег» в мета-Е. Но при этом указание в Е не есть интерпретация в смысле соотнесения терминов языка и объектов реального мира.

Таким образом, Куайн не рассматривал истину как объективное свойство; для него это просто предикат, который позволяет совершить «семантическое восхождение». Предикат истины позволяет переутвердить предложение, соединив предикат с завыченным предложением. Фактически это деконструкция понятия истины, при которой истина становится имманентной языку, никоим образом не превосходя его.

Список литературы

- Куайн У.В.О. *Философия логики* / Пер. с англ. В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2008. 190 с.
- Поннер К. *Логика и рост научного знания: Избр. работы* / Пер. с англ., под ред. В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
- Рамсей Ф.П. Факты и пропозиции // *Рамсей Ф.П. Философские работы* / Пер. с англ. В.А. Суровцева. Томск, 2003. С. 101–114.
- Рассел Б. Об обозначении / Пер. с англ. В.А. Суровцева // *Язык, истина, существование* / Сост. В.А. Суровцев. Томск, 2002. С. 7–22.
- Тарский А. *Введение в логику и методологию дедуктивных наук* / Пер. с англ. О.Н. Дынник. М.: Госиноиздат, 1948. 327 с.
- Целищев В.В. *Нормативность дедуктивного дискурса*. Новосибирск: Нонпарель, 2004. 339 с.
- Davidson D. In Defence of Convention T // *Truth, Syntax and Modality* / Ed. by H. Leblanc. Amsterdam, 1973. P. 76–85.
- Davies M. *Meaning, Quantification, Necessity*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1981. 282 p.
- Etchemendi J. Tarski on Truth and Logical Consequence // *Journal of Symbolic Logic*. 1988. Vol. 53. № 1. P. 51–79.
- Field H. Tarski's Theory of Truth // *Field H. Truth and the Absence of Fact*. Oxf., 2001. P. 3–29.
- Garcia-Carpintero M. What is a Tarskian Definition of Truth // *Philosophical Studies*. 1996. Vol. 82. № 2. P. 113–144.
- Horwich P. *Truth*. Oxf.: Oxford University Press, 1990. 176 p.
- Kripke S. *Naming and Necessity*. Camb.: Harvard University Press, 1980. 184 p.
- Putnam H. A Comparison of Something with Something Else // *World and Life* / Ed. by J. Conant. Camb., 1994. P. 330–350.
- Quine W.V. *Ontological Relativity* // *Quine W.V. Ontological Relativity and Other Essays*. N.Y., 1969. P. 26–68.
- Quine W.V. *Roots of Reference*. La Salle (Illinois): Open Court, 1974. 150 p.
- Raatikainen P. More on Putnam and Tarski // *Synthese*. 2003. Vol. 135. P. 37–47.
- Reed S. *Thinking about Logic*. Oxf.: Oxford University Press, 1994. 262 p.
- Sher G. Truth, the Liar, and Tarski's Semantics // *A Companion to Philosophical Logic* / Ed. by D. Jacquette. Oxf., 2002. P. 145–163.
- Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // *Tarski A. Logic, Semantics, Metamathematics* / Trans. by J.H. Woodger. Indianapolis, 1983. P. 152–267.
- Tarski A. On the Concept of Logical Consequence // *Tarski A. Logic, Semantics, Metamathematics* / Trans. by J.H. Woodger. Indianapolis, 1983. P. 409–420.
- Wang Hao. *Beyond Analytic Philosophy*. Camb. (MA); L.: MIT Press, 1988. 280 p.

Is Tarski's theory of truth a philosophical one?

Vitaly Tselishchev

DSc in Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaev Str. 8, Novosibirsk 630090, Russian Federation; e-mail: leitval@gmail.com

This article examines to what extent Tarski's conception of truth in formalized languages can be considered a satisfactory philosophical theory of truth. Criticism of Tarski's theory by Hilary Putnam and some other philosophers gets viewed against the defence of it by Panu Raatikainen. The author explores the methodological status of Convention T and the homophonic theory of relationship between the object-language and the meta-language as a condition for Tarski's explication of the semantic concepts, arguing for the metaphysical neutrality of Tarski's theory and its convergence with the deflationary conception of truth by way of trivialization of the semantic content of the latter. The paper then proceeds to analyzing the role of truth predicate in Quine's theory of the functioning of language, the conclusion being that in the first place one must expose the conditions under which Tarski's conception will deserve to be considered a philosophical theory of truth. In the writings of the philosophers, indeed, there is a lot of confusion as to whether the said theory is an elaboration of some accepted theory of truth such as correspondence or coherence theory, or it is altogether irrelevant to any classical theory of truth. Formalization of a philosophical context normally pursues two objectives: firstly, it seeks to clarify intuitions, and secondly, to explicate intuitive ideas. As soon as one accepts the view of explication as elimination, the intuitive conception of truth cannot any longer play any significant role in the appraisal of Tarski's theory, since the latter is a typical case of explication. Tarski substituted the intuitive idea for the exact notion suitable for scientific discourse; as a philosophical explanation of truth, however, his theory as an absolute failure.

Keywords: Tarski, truth, semantics, deflationary theory of truth, logic, Convention T, Quine, denotation

References

- Davidson, D. "In Defence of Convention T", *Truth, Syntax and Modality*, ed. by H. Leblanc. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1973, pp. 76–85.
- Davies, M. *Meaning, Quantification, Necessity*. London: Routledge and Kegan Paul, 1981. 282 pp.
- Etchemendi, J. "Tarski on Truth and Logical Consequence", *Journal of Symbolic Logic*, 1988, vol. 53, no 1, pp. 51–79.
- Field, H. "Tarski's Theory of Truth", in: H. Field, *Truth and the Absence of Fact*. Oxford: Clarendon Press, 2001, pp. 3–29.
- Garcia-Carpintero, M. "What is a Tarskian Definition of Truth", *Philosophical Studies*, 1996, vol. 82, no 2, pp. 113–144.
- Horwich, P. *Truth*. Oxford: Oxford University Press, 1990. 176 pp.
- Kripke, S. *Naming and Necessity*. Cambridge: Harvard University Press, 1980. 184 pp.
- Popper, K. *Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannye raboty* [The Logic of Scientific Discovery. Selected Works], ed. By V. Sadovskii. Moscow: Progress Publ., 1983. 605 pp. (In Russian)
- Putnam, H. "A Comparison of Something with Something Else", *World and Life*, ed. by J. Conant. Cambridge: Harvard University Press, 1994, pp. 330–350.
- Quine, W.V. "Ontological Relativity", in: W.V. Quine, *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press, 1969, pp. 26–68.
- Quine, W.V. *Roots of Reference*. La Salle, Illinois: Open Court, 1974. 150 pp.

- Quine, W.V. *Filosofija logiki* [Philosophy of Logic], trans. by V. Surovtsev. Moscow: Canon+ Publ., 2008. 190 pp. (In Russian)
- Raatikainen, P. “More on Putnam and Tarski”, *Synthese*, 2003, vol. 135, pp. 37–47.
- Ramsey, F.P. “Fakty i propozitsii” [Facts and Propositions], in: F.P. Ramsey, *Filosofskije raboty* [Philosophical Works], trans. by V. Surovtsev. Tomsk: Tomsk St. Univ. Publ., 2003, pp. 140–161. (In Russian)
- Reed, S. *Thinking about Logic*. Oxford: Oxford University Press, 1994. 262 pp.
- Russell, B. “Ob oboznachenii” [On Denoting], *Jazyk, istina, sushchestvovaniye* [Language, Truth, Existence], ed. by V. Surovtsev. Tomsk: Tomsk St. Univ. Publ., 2002. pp. 7–22. (In Russian)
- Sher, G. “Truth, the Liar, and Tarski’s Semantics”, *A Companion to Philosophical Logic*, ed. by D. Jacquette. Oxford: Blackwell, 2002, pp. 145–163.
- Tarski, A. *Vvedeniye v logiku i metodologiju deduktivnykh nauk* [Introduction to Logic and Methodology of Deductive Sciences], trans. by O. Dynnik. Moscow: Gosinoizdat Publ., 1948. 327 pp. (In Russian)
- Tarski, A. “The Concept of Truth in Formalized Languages”, in: A. Tarski, *Logic, Semantics, Metamathematics*, trans. by J.H. Woodger. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1983, pp. 152–267.
- Tarski, A. “On the Concept of Logical Consequence”, in: A. Tarski, *Logic, Semantics, Metamathematics*, trans. by J.H. Woodger. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1983, pp. 409–420.
- Tselishchev, V. *Normativnost’ deduktivnogo diskursa* [Normativity of deductive Discourse]. Novosibirsk: Nonparel Publ., 2004. 339 pp. (In Russian)
- Wang Hao. *Beyond Analytic Philosophy*. Cambridge; London: MIT Press, 1988. 280 pp.